

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.129-139

П. Д. Жукова*,
М. М. Zubovich**

Трансформация и репрезентация средств доказывания в гражданском судопроизводстве Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируются логика и пределы трансформации средств доказывания в гражданском судопроизводстве РФ и разграничение этой категории с репрезентацией доказательственной информации. Показано, что изменение процессуальной формы при сохранении содержания (например, переход объяснений из документальной формы в процессуальное средство «объяснения сторон и третьих лиц», использование протокола и официальной аудиозаписи заседания в проверочных инстанциях как письменных/электронных доказательств процессуальных нарушений) влияет на правила допустимости и оценки. Особое внимание уделено цифровой среде: распечатки переписки, скриншоты, файлы, метаданные и частные аудио- и видеозаписи в практике ситуативно квалифицируются как письменные, вещественные либо аудио- и видеодоказательства, что порождает риски утраты признаков подлинности, искажений производных образов и непредсказуемости правоприменения. Обосновывается необходимость нормативного выделения электронных доказательств как самостоятельного вида и установления требований к их представлению, идентификации, заверению, хранению и исследованию (включая работу с метаданными с участием специалиста и судебные компьютерно-технические экспертизы), а также разграничения первоначальных и производных электронных форм. Делается вывод о полезности четкого различения трансформации и репрезентации для унификации судебной практики, повышения технологической и правовой определенности и недопущения подмены трансформации простой сменой носителя.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; трансформация средств доказывания; репрезентация доказательств; электронные доказательства; объяснения сторон и третьих лиц; показания свидетелей; письменные доказательства; вещественные доказательства; заключения экспертов; досудебные экспертные исследования; электронные данные; электронное правосудие

Для цитирования: Жукова П. Д., Zubovich M. M. Трансформация и репрезентация средств доказывания в гражданском судопроизводстве Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 8. — С. 129–139. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8.129-139

© Жукова П. Д., Zubovich M. M., 2026

* Жукова Полина Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
pdzhukova@msal.ru

** Zubovich Михаил Мстиславович, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, самозанятый исследователь
а/я 126, г. Краснодар, Российская Федерация, 350002
mzubov@mail.ru

Благодарности. Статья выполнена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Transformation and Representation of Means of Proof in Russian Civil Justice

Polina D. Zhukova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil and Administrative Procedure named after M.S. Shakaryan, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
pdzhukova@msal.ru

Mikhail M. Zubovich, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Self-Employed Researcher, Krasnodar, Russian Federation
mzubov@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the logic and limits of the transformation of means of proof in civil proceedings in the Russian Federation, and draws a distinction between this category and the representation of evidentiary information. It is shown that a change in the procedural form while the content remains unchanged (for example, the transition of explanations from documentary form to the procedural means of «explanations of the parties and third parties», the use of the record of the hearing and the official audio recording in appellate instances as written/electronic evidence of procedural violations) affects the rules of admissibility and evaluation. Particular attention is given to the digital environment: printouts of correspondence, screenshots, files, metadata, and private audio-video recordings are, in practice, situationally classified as written, physical, or audio-video evidence, which creates risks of loss of authenticity, distortion of derivative images, and unpredictability of law enforcement. The need for the regulatory identification of electronic evidence as an independent type and the establishment of requirements for its presentation, identification, certification, storage and research (including work with metadata with the participation of a specialist and forensic computer-technical examinations), as well as the distinction between original and derivative electronic forms, is substantiated. The authors conclude that a clear distinction between transformation and presentation is useful for unifying judicial practice, increasing technological and legal certainty, and preventing the substitution of transformation by a mere change of medium.

Keywords: civil proceedings; transformation of evidence; representation of evidence; electronic evidence; explanations of the parties and third parties; witness testimony; written evidence; material evidence; expert opinions; pre-trial expert examinations; electronic data; e-justice

Cite as: Zhukova PD, Zubovich MM. Transformation and Representation of Means of Proof in Russian Civil Justice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(8):129-139. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.189.8. 129-139

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Доказательства в гражданском судопроизводстве — это сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон. Средства доказывания представляют собой процессуальные формы, посредством которых эти сведения вводятся в процесс и исследуются

судом. Современное технологическое развитие, дифференциация процессуальных форм и широкое использование цифровых носителей породили новое для теории явление — трансформацию средств доказывания, т.е. изменение их процессуальной формы при сохранении доказательственного содержания. Выявление границ трансформации и ее отличий от смеж-

ного явления — репрезентации¹ — позволяет точнее описать механизм судебного познания и повысить эффективность правового регулирования.

На практике сложности проявляются, в частности, в упрощенном производстве. У судей возникают серьезные затруднения в применении норм об упрощенном производстве, которое редко используется: по данным судебной статистики за 2024 г., в упрощенном порядке рассмотрено 162 647 гражданских и административных дел², что составляет около 0,4 % от числа дел, рассмотренных с вынесением решения. Между тем увеличение количества дел упрощенного производства — существенный резерв сокращения судейской нагрузки. Глава 21.1 ГПК РФ формулирует особый порядок исследования материалов: согласно абз. 2 ч. 5 ст. 232.3 суд исследует изложенные в представленных документах объяснения, возражения и доводы участников и принимает решение на основании доказательств, представленных в установленные сроки. Буквальное прочтение этой нормы позволяет видеть различие между объяснениями как содержанием документов и доказательствами, на которых основывается решение. При переходе к рассмотрению по общим правилам искового производства содержащиеся в документах объяснения сторон и третьих лиц получают форму соответствующего процессуального средства (в письменном виде), тогда как объяснения иных лиц, участвующих в деле, остаются в правовом статусе письменных доказательств, поскольку в перечне средств доказывания (абз. 2 ч. 1 ст. 55 ГПК РФ) самостоятельного вида «объяснения иных лиц» до сих пор не предусмотрено. В этой ситуации одно и то

же информационное содержание в зависимости от процессуального режима приобретает различную форму и режим оценки — это и есть проявление трансформации.

Трансформация средств доказывания проявляется, когда исходное доказательство по техническим характеристикам или способу восприятия относится к одному виду, но в процессе представления/оценки приобретает признаки другого. Судебная практика подтверждает гибкость подходов к квалификации доказательственных средств: суды нередко исходят не из внешней формы, а из существа доказательственной информации. Так, материалы из сети Интернет (распечатки страниц сайтов, переписки в мессенджерах и соцсетях) оцениваются наравне с иными доказательствами (ст. 67 ГПК РФ). Несмотря на электронно-цифровую природу первичных данных, суды квалифицируют их преимущественно как письменные доказательства при наличии сведений об источнике и времени получения, т.е. при обеспеченной идентификации и возможности человеческого восприятия содержания³.

Процессуальные кодексы прямо относят к письменным доказательствам протоколы процессуальных действий, протоколы судебных заседаний и приложения к ним (ч. 1 ст. 71 ГПК РФ). Большинство исследователей вслед за законодателем признает судебный протокол письменным доказательством, оговаривая, что он возникает «после возбуждения гражданского дела в суде и в связи с ним»⁴. Вместе с тем еще Е. А. Нефедьев отмечал применительно к объяснениям сторон, что многие действия сторон и суда «оставляют след на письме», но это не влияет то, какое начало положено в основание

¹ Термин «репрезентация» (от лат. *repraesentatio*, где *re-* — «пере-», «воз-/вос-» — и *praesetare* — «представлять») используется как доктринальное обозначение смены носителя/формата без изменения вида доказательства.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2024 г. // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения: 15.10.2025).

³ См.: п. 55 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

⁴ См., например: Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе. М. : Юрайт, 2012. С. 194, 203–205.

процесса: значение имеет форма, в которой ведутся состязания сторон по существу спора⁵.

Ранее в литературе была высказана позиция, в соответствии с которой протокол судебного заседания, строго говоря, по содержанию представляет собой «систему различных доказательств»; действительно, он важный источник доказательственной информации различного характера, но не для первой инстанции суда, а прежде всего для проверочных судебных инстанций и при новом разбирательстве⁶. А. В. Юдин также указывает, что протокол судебного заседания выступает а) средством описания доказательств (фиксации информации), не приобретая самостоятельного доказательственного значения в суде первой инстанции, поскольку не подменяет собой сами доказательства (показания свидетеля, вещественный объект и др.); б) доказательством в части непосредственного восприятия судом фактов процессуального поведения, а также в судах вышестоящих инстанций — для доказывания нарушений, являющихся основаниями отмены/изменения судебных актов⁷. Следовательно, в первой инстанции протокол — это инструмент процессуальной фиксации, в проверочных инстанциях — письменный/электронный источник проверки соблюдения процессуальной формы⁸. Трансформация здесь функциональная, вид доказательства по ГПК РФ остается прежним. Аналогичная функциональная трансформация

возможна и в отношении судебного решения (например, при отсутствии надлежащей подписи).

В литературе встречается утверждение, что протоколы обеспечения доказательств используются как производные письменные доказательства, заменяя первоначальные, если последние нельзя исследовать по делу непосредственно⁹. Однако трансформации вида не происходит: осуществляется репрезентация доказательственной информации. Иное позволяло бы обходить запрет ссылаться на свидетельские показания (ч. 1 ст. 162 ГК РФ), подменяя их «производным письменным доказательством».

Аналогичный подход применим к официальной аудио- и видеозаписи судебного заседания. По смыслу п. 6 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ отсутствие письменного протокола может компенсироваться аудио- или видеозаписью, что придает им значение источника проверки соблюдения процессуальных правил. Официальная аудиозапись заседания — предусмотренный законом элемент процессуальной фиксации именно в цифровом формате¹⁰, а не доказательство обстоятельств материально-правового спора. Вместе с тем при рассмотрении жалоб в вышестоящем суде аудиопротокol функционирует как аудиозапись на электронном носителе (ст. 55, 77 ГПК РФ). При этом вряд ли корректно рассматривать аудиопротокol в качестве вещественного доказательства¹¹. В отличие от офици-

⁵ Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М. : Типография Московского императорского университета, 1908. С. 148.

⁶ Шкурова П. Д. Письменные доказательства в цивилистическом процессе : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 57.

⁷ Юдин А. В. К вопросу о доказательственном значении протокола судебного заседания в цивилистическом процессе // Администратор суда. 2025. № 2. С. 16.

⁸ Васяев А. А., Пальчикова М. В. Протокол судебного заседания — доказательство? // Современное право. 2010. № 4. С. 116–119.

⁹ Треушников М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М. : Городец, 2016. С. 132.

¹⁰ См.: п. 2.3 Регламента организации ведения протоколирования с использованием средств аудиозаписи (аудиопротолколирования) хода судебного заседания, а также при совершении отдельного процессуального действия вне судебного заседания в федеральных судах общей юрисдикции (утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 09.01.2025 № 2) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_497379/b33306dbe9d7d6d6eb52be0d0c0178d375ffa368/ (дата обращения: 15.10.2025).

¹¹ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М. : Статут, 2020 (автор комментария к ст. 75 — И. В. Решетникова).

альной аудиозаписи заседания частные аудио- и видеозаписи, представленные участниками, при соблюдении требований относимости и допустимости оцениваются как самостоятельные доказательства по делу (ст. 55, ч. 1 ст. 231 ГПК РФ). Примечательно, что в УПК РФ предлагалось внести изменение, предусматривающее процессуальную конструкцию «протокол, состоящий из аудиоэлектронной и письменной частей»¹². В науке уголовного процесса выделяют 12 функций аудиопротоколирования, однако аудиопротокол функционирует в качестве доказательства в суде первой инстанции лишь в ситуации уголовного преследования за отказ от дачи показания и заведомо ложное показание¹³.

Суды вправе переопределять вид представленного доказательственного материала, руководствуясь законом и признаками объекта. Так, акт (отчет) досудебного экспертного исследования обычно квалифицируется как письменное доказательство, но в судебных актах встречается вывод о том, что заключение досудебного исследования, подготовленное финансовым уполномоченным¹⁴, по содержанию и форме соответствует требованиям ст. 86 ГПК РФ и поэтому может оцениваться судом как заключение эксперта¹⁵. Такая дискретность позволяет гибко реагировать на технологические новации, но порождает разнородность практики и риски для предсказуемости правоприменения. В то же время само заключение эксперта — самостоятельный вид доказательства с жестко регламентированной процессуальной формой;

оно не превращается в иной вид доказательств в зависимости от носителя (бумажный оригинал или электронный документ, подписанный усиленной квалифицированной электронной подписью — УКЭП). Специфика экспертного доказательства в том, что оно создается на основе специальных знаний, а материалами для исследования нередко служат письменные, вещественные и электронные доказательства. Таким образом, сведения из иных процессуальных средств опосредованно реализуется в новой процессуальной форме — заключении эксперта. Это не трансформация исходных доказательств, а создание нового доказательства на их основе.

Наибольшую сложность вызывает электронная форма доказательственной информации. ГПК РФ не выделяет электронные доказательства как отдельный вид, вследствие чего суды ситуативно относят цифровые объекты (файлы, скриншоты, логи, метаданные) к письменным, вещественным доказательствам либо аудио- и видеозаписям. В доктрине их также часто рассматривают как производные письменные доказательства¹⁶ либо — в зависимости от способа исследования — как вещественные доказательства или аудио- и видеозаписи. Между тем специфика электронного доказательства заключается не только в электронной оболочке, но и в информационно-технической природе: для непосредственного восприятия и идентификации зачастую требуется электронное устройство и специальные знания для извлечения и интерпретации метаданных. Это отличает первона-

¹² См.: законопроект № 850452-8 «О внесении изменений в статьи 259 и 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (об уточнении порядка ведения протокола в ходе судебного заседания, а также порядка подачи и удостоверения замечаний на протокол судебного заседания)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/850452-8> (дата обращения: 15.10.2025).

¹³ См.: Епихин А. Ю., Гришина Е. П. Аудиопротоколирование судебного заседания как гарантия прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. Т. 34. № 3. С. 513–514.

¹⁴ См.: п. 130 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 1.

¹⁵ Подробнее см.: Zubovich M. M., Коршакова К. В., Томбулова Е. Г. Об использовании досудебных экспертных исследований по гражданским делам // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 4. С. 77.

¹⁶ Гражданское процессуальное право : учебник : в 2 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2020. Т. 1 : Общая часть. С. 170, 190–191.

чальные электронные объекты от их производных бумажных образов, достоверность которых зависит от способа формирования и заверения. Риск искажений при воспроизведении содержания первоисточника усиливается легкостью модификации данных и распространенностью технологий генерации контента.

Е. А. Нахова правильно отмечает: с учетом специфики электронного документа наряду с электронной оболочкой решающее значение имеет его информационная природа¹⁷, следовательно, доказательства на электронных носителях образуют самостоятельный вид средств доказывания, понятие которого нуждается в законодательном закреплении¹⁸. Профессор А. К. Сергун указывала, что каждому виду доказательств в процессуальных кодексах посвящена группа норм, определяющая порядок получения и исследования судом, и рассматривала «документы ЭВМ» как письменные доказательства, подчеркивая, что такие доказательства воспринимаются посредством прочтения, предполагающего «грамотность соответствующего вида» письма¹⁹. В современных условиях подобная характеристика неприменима к машинным форматам: даже квалифицированный специалист не прочитает код напрямую, без специального электронного устройства. Поэтому трудно согласиться с авторами, отрицающими специфику электронных доказательств при исследовании

и настаивающими на отсутствии оснований для их выделения или утверждающими, что оппонентами игнорируется способ исследования в качестве критерия выделения видов средств доказывания²⁰. Существенным признаком первоначальных электронных доказательств является их восприятие судом с помощью электронного устройства (компьютера, смартфона и т.п.), а метаданные — «данные о данных», которые идентифицируют электронный документ (дата и время создания или изменения, автор, отправитель, дата и время отправки), — часто недоступные напрямую, могут потребовать привлечения специалиста.

Прочтение распечатки переписки в мессенджере или по электронной почте судьи обычно осуществляют непосредственно, «с бумажного листа». Однако такая распечатка — это лишь имеющий производный характер образ (копия) самого электронного доказательства²¹, причем без электронной цифровой подписи этот образ для суда сомнителен с точки зрения достоверности. Неслучайно на практике всё шире используются сервисы дистанционного удостоверения электронной переписки²². Об осторожном отношении к производным доказательствам, которые лишь воспроизводят содержание другого доказательства, писала и А. К. Сергун, указывая, что «наличие посредствующих звеньев может привести к искажению сведений»²³.

¹⁷ Нахова Е. А. Проблемы электронных доказательств в гражданском процессе // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 303.

¹⁸ Нахова Е. А. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе и административном судопроизводстве // Закон. 2018. № 4. С. 85.

¹⁹ Гражданское процессуальное право : учебник / под ред. М. С. Шакарян. М. : ТК Велби, Проспект, 2004. С. 164, 189 (автор главы — А. К. Сергун).

²⁰ См., например: Казиханова С. С. Технологические инновации в судебном доказывании и принципы гражданского процессуального права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2. С. 82–90.

²¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

²² См., например, сервис «Вебджастис» по дистанционному созданию нотариальных протоколов осмотра информации и протоколов по автоматической фиксации доказательств в сети Интернет (URL: <https://www.shotapp.ru/about> (дата обращения: 15.10.2025)).

²³ Гражданское процессуальное право : учебник / под ред. М. С. Шакарян. С. 179 (автор главы — А. К. Сергун).

И. В. Решетникова, анализируя переход от первоначальных к производным доказательствам, относит скриншот веб-страницы к производным: «первичным остается сама информация в Сети»²⁴. Это оправданно: скриншот — визуальная репрезентация (электронный образ) машиночитаемых данных, которая, как правило, является копией, пока не подтверждена ее тождественность исходному источнику. Суд вправе требовать представления *исходных электронных данных* (оригинальных файлов, логов, выгрузок и др.) либо доступа к информационной системе, если без этого спор неразрешим или копии расходятся. Скриншоты допускаются в судебной практике, но их доказательственная сила зависит от проверки подлинности и целостности исходных данных; при необходимости суд истребует данные из первичного источника. Аналогия со свидетельскими показаниями²⁵ ограничена: показания — это продукт человеческой памяти и речи, для которой нет надежных научных методик верификации (полиграф не признается допустимым доказательством²⁶), тогда как электронные данные и их носители доступны *воспроизводимой* компьютерно-технической экспертизе. Скриншот не является «носителем факта»: это моментальная фиксация визуального состояния интерфейса, зависящая от браузера, кеша, масштаба и времени. Следовательно, скриншот — это лишь *репрезентация* первичных электронных данных.

Современные исследователи верно отмечают, что природа электронных доказательств сопряжена с природой виртуальных следов: как виртуальный след не является ни чисто мате-

риальным, ни чисто идеальным, так и электронное доказательство не тождественно ни письменному, ни вещественному²⁷. Электронные доказательства аккумулируют всё электронное, что имеется в письменных и вещественных доказательствах²⁸. Действительно, электронные доказательства не сводятся к иным видам: они добавляют электронный слой — признак цифровой фиксации, который может присутствовать в письменных, вещественных доказательствах, а также в аудио- и видеозаписях. Именно поэтому некорректно создавать на основании общего критерия способа исследования (воспроизведение информации техническим устройством) средство доказывания вроде «аудио- и видеозаписи, электронные данные».

Показательным примером самостоятельности электронного доказательства является голосовое сообщение, отправленное через мессенджер. Оно не может быть адекватно квалифицировано ни как письменное, ни как вещественное доказательство, поскольку существует исключительно в цифровой среде, требует для восприятия технического устройства и сопровождается системой метаданных. Его исследование возможно лишь с использованием специальных программных средств и при необходимости компьютерно-технической или фоноскопической экспертизы. Голосовое сообщение — не просто аудиозапись в классическом понимании, а электронный объект с признаками цифровой аутентичности.

С. С. Казиханова верно рекомендует аналитикам дифференцированно описывать электронные доказательства и учитывать их подвиды

²⁴ Гражданский процесс : учебник / под ред. В. В. Яркова. 10-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017. С. 160 (автор главы — И. В. Решетникова).

²⁵ См.: Казиханова С. С. Электронные доказательства в теории судебных доказательств // Цифровое право. 2024. Т. 5. № 4. С. 86.

²⁶ Шкурова П. Д., Zubovich M. M., Томбулова Е. Г. Сведения, полученные с помощью полиграфа, как недопустимые доказательства в гражданском и административном судопроизводстве Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 1. С. 128–133.

²⁷ Малык А. В. Формирование и природа электронных доказательств // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2023. № 3. С. 49.

²⁸ Поляков М. П., Смолин А. Ю. Концептологический анализ феномена электронных доказательств // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 144.

при выборе способа исследования²⁹. При этом следует принимать во внимание оригинальность доказательственной информации: подходы к исследованию электронного документа с УКЭП и к оценке судом данных из сети Интернет существенно различаются. Если необходимо, электронные доказательства исследуются при помощи программно-технических комплексов в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы, например для установления модификаций программного обеспечения по сравнению с исходным состоянием и их проявлений. Так, перед программно-компьютерной экспертизой судом может быть поставлен вопрос: «Подвергался ли алгоритм программного средства модификации по сравнению с исходным состоянием? В чем это нашло отражение?»³⁰

Современное регулирование не отвечает информационным потребностям общества, достижения правовой науки в описании цифровой реальности пока ограничены, многие выводы и прогнозы требуют верификации³¹. При преобразовании электронной записи (информации, зафиксированной в машинном коде) в человекочитаемый текст утрачиваются технические признаки, подтверждающие происхождение. Важной проблемой становится сегодня выявление *deepfake*-контента — фальшивого контента (видео, аудио или изображений), созданного с помощью искусственного интеллекта. С развитием искусственного интеллекта эти технологии становятся массово доступными. В результате модель реальности, воссоздаваемая в электронных носителях, может не соответствовать действительности, а возможности человека отделить

правду от подделки минимизируются³². При этом в ряде судов общей юрисдикции сохраняются сложности в исследовании электронных доказательств из-за отсутствия необходимых программно-технических комплексов³³. Отсутствие унифицированных процедур верификации и аутентификации приводит к тому, что суды вынуждены оценивать такие доказательства преимущественно на основе внутреннего убеждения, снижая предсказуемость правоприменения. Отсюда вытекает потребность в нормативном закреплении самостоятельной категории электронных доказательств и процедур их представления, хранения, идентификации и исследования, включая работу с метаданными и использование программно-технических средств, а также в четком разграничении первоначальных и производных электронных форм.

Несмотря на обозначенные проблемы, сама возможность трансформации средств доказывания свидетельствует о гибкости и адаптивности российского гражданского процессуального права. Оно в состоянии приспосабливаться к изменениям в обществе и технологиях, при этом информационные технологии не изменяют концептуальные основы правоприменительной деятельности³⁴.

Итак, трансформация средств доказывания — это переход сведений о фактах из одного вида доказательства в другой в рамках закрытого перечня ГПК РФ (объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные, вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключение эксперта). Дополнение перечня электронными доказательствами будет

²⁹ Казиханова С. С. Технологические инновации в судебном доказывании и принципы гражданского процессуального права. С. 98.

³⁰ Царев Е. О. Судебная компьютерно-техническая экспертиза, виды, вопросы // URL: <https://rtmtech.ru/articles/sudebnaya-kompyuterno-tehnicheskaya-ekspertiza/> (дата обращения: 15.10.2025).

³¹ См., например: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

³² Киселева К. Э., Хатухова А. Р. Проблема использования электронных доказательств: сравнительно-правовая характеристика зарубежного и российского подходов // Общество и право. 2023. № 4. С. 70.

³³ Бегичева Е. В., Примаков В. Г. К вопросу об определении места электронных доказательств в системе средств доказывания в гражданском и арбитражном процессе // Образование и право. 2022. № 10. С. 145.

³⁴ Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего по гражданским делам / под ред. К. Л. Брановицкого, В. В. Яркова. М. : Статут, 2022. С. 59.

соответствовать распространенной практике и задаст единые требования к их представлению и исследованию.

От трансформации доказательств следует отличать их репрезентацию: это изменение формы фиксации / носителя информации без смены вида доказательства. Так, нотариально удостоверенный перевод документа на русский язык (ст. 71 ГПК РФ) — производное письменное доказательство, обеспечивающее восприятие содержания судом и допустимость его исследования, но не создающее новый вид доказательства.

Репрезентация доказательств без изменения их юридической природы наблюдается во многих процессуальных ситуациях: заключение эксперта, представленное на бумаге и в виде электронного документа (в формате PDF, с УКЭП эксперта), остается таковым; устные и письменные объяснения сторон и третьих лиц — при всей разнице фиксации — относятся к одному и тому же средству доказывания, когда речь идет именно о процессуальной категории «объяснения сторон и третьих лиц», и т.д.

Проведенный анализ подтверждает: *трансформация* меняет вид доказательства и тем самым правила допустимости и оценки; *репрезентация* лишь переносит те же сведения на иной носитель / в иной формат. Их смешение дезориентирует правоприменителя и снижает предсказуемость решений. Судебная прак-

тика демонстрирует функциональную изменчивость одних и тех же объектов (протокол и официальная аудиозапись — фиксация в первой инстанции и доказательства процессуальных нарушений в проверочных), а также ситуативную квалификацию цифровых материалов как письменных, вещественных доказательств либо аудио- и видеозаписей. Наибольшие риски связаны с производными электронными образами (распечатки, скриншоты): утрата признаков подлинности и уязвимость к модификациям при отсутствии единых правил идентификации и заверения ведут к опоре на внутреннее убеждение. Для технологической определенности требуется нормативно выделить электронные доказательства как самостоятельный вид, установить требования к представлению, хранению, идентификации, работе с метаданными, форматам и заверению, закрепить цепочку сохранности, а также разграничить *первоначальные* и *производные* электронные формы, распределить бремя доказывания подлинности и критерии допустимости. Четкое разведение трансформации и репрезентации и легализация электронных доказательств обеспечат единообразие практики, снизят подмену трансформации простой сменой носителя и повысят достоверность доказательств — в итоге возрастет эффективность гражданского судопроизводства в условиях цифровизации правосудия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бегичева Е. В., Примаков В. Г. К вопросу об определении места электронных доказательств в системе средств доказывания в гражданском и арбитражном процессе // Образование и право. — 2022. — № 10. — С. 143–148.
2. Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. — М. : Проспект, 2014. — 613 с.
3. Васяев А. А., Пальчикова М. В. Протокол судебного заседания — доказательство? // Современное право. — 2010. — № 4. — С. 116–119.
4. Гражданский процесс : учебник / под ред. В. В. Яркова. — 10-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2017. — 702 с.
5. Гражданское процессуальное право : учебник / под ред. М. С. Шакарян. — М. : ТК Велби, Проспект, 2004. — 584 с.
6. Гражданское процессуальное право : учебник : в 2 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. — Т. 1 : Общая часть. — М. : Статут, 2020. — 489 с.

7. Дмитриева А. А., Пастухов П. С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — № 1. — С. 270–294.
8. Епихин А. Ю., Гришина Е. П. Аудиопотоколирование судебного заседания как гарантия прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2024. — Т. 34. — № 3. — С. 510–516.
9. Зубович М. М., Коршакова К. В., Томбулова Е. Г. Об использовании досудебных экспертных исследований по гражданским делам // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 4. — С. 76–85.
10. Казиханова С. С. Технологические инновации в судебном доказывании и принципы гражданского процессуального права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2025. — № 2. — С. 82–90.
11. Казиханова С. С. Электронные доказательства в теории судебных доказательств // Цифровое право. — 2024. — Т. 5. — № 4. — С. 79–95.
12. Киселева К. Э., Хатухова А. Р. Проблема использования электронных доказательств: сравнительно-правовая характеристика зарубежного и российского подходов // Общество и право. — 2023. — № 4. — С. 67–72.
13. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. — 4-е изд., испр. и перераб. — М. : Статут, 2020. — 1071 с.
14. Малык А. В. Формирование и природа электронных доказательств // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». — 2023. — № 3. — С. 45–51.
15. Нахова Е. А. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе и административном судопроизводстве // Закон. — 2018. — № 4. — С. 81–90.
16. Нахова Е. А. Проблемы электронных доказательств в гражданском процессе // Ленинградский юридический журнал. — 2015. — № 4. — С. 301–312.
17. Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. — М. : Типография Московского императорского университета, 1908. — 403 с.
18. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Концептологический анализ феномена электронных доказательств // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2019. — № 2. — С. 135–145.
19. Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе. — М. : Юрайт, 2012. — 388 с.
20. Треушников М. К. Судебные доказательства. — 5-е изд., доп. — М. : Городец, 2016. — 304 с.
21. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 85–102.
22. Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего по гражданским делам / под ред. К. Л. Брановицкого, В. В. Яркова. — М. : Статут, 2022. — 328 с.
23. Шкурова П. Д. Письменные доказательства в гражданском процессе : монография. — М. : Юрлитинформ, 2020. — 159 с.
24. Шкурова П. Д., Зубович М. М., Томбулова Е. Г. Сведения, полученные с помощью полиграфа, как недопустимые доказательства в гражданском и административном судопроизводстве Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. — 2020. — Т. 17. — № 1. — С. 128–133.
25. Юдин А. В. К вопросу о доказательственном значении протокола судебного заседания в гражданском процессе // Администратор суда. — 2025. — № 2. — С. 16–21.

Материал поступил в редакцию 23 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Begicheva E. V., Primak V. G. K voprosu ob opredelenii mesta elektronnykh dokazatelstv v sisteme sredstv dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse // Obrazovanie i pravo. — 2022. — № 10. — S. 143–148.

2. Bonner A. T. Traditsionnye i netraditsionnye sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse. — M.: Prospekt, 2014. — 613 s.
3. Vasyaev A. A., Palchikova M. V. Protokol sudebnogo zasedaniya — dokazatelstvo? // Sovremennoe pravo. — 2010. — № 4. — S. 116–119.
4. Grazhdanskiy protsess: uchebnik. — 10-e izd., pererab. i dop. / pod red. V. V. Yarkova. — M.: Statut, 2017. — 702 s.
5. Grazhdanskoe protsessualnoe pravo: uchebnik / pod red. M. S. Shakaryan. — M.: TK Velbi, Prospekt, 2004. — 584 s.
6. Grazhdanskoe protsessualnoe pravo: uchebnik: v 2 t. / pod red. P. V. Krashenninnikova. — T. 1: Obshchaya chast. — M.: Statut, 2020. — 489 s.
7. Dmitrieva A. A., Pastukhov P. S. Kontseptsiya elektronnoy dokazatelstva v ugolovnom sudoproizvodstve // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — № 1. — S. 270–294.
8. Epikhin A. Yu., Grishina E. P. Audioprotokolirovaniye sudebnogo zasedaniya kak garantiya prav i zakonnykh interesov uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». — 2024. — T. 34. — № 3. — S. 510–516.
9. Zubovich M. M., Korshakova K. V., Tombulova E. G. Ob ispolzovanii dosudebnykh ekspertnykh issledovaniy po grazhdanskim delam // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2022. — T. 17. — № 4. — S. 76–85.
10. Kazikhanova S. S. Tekhnologicheskie innovatsii v sudebnom dokazyvanii i printsipy grazhdanskogo protsessualnogo prava // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2025. — № 2. — S. 82–90.
11. Kazikhanova S. S. Elektronnye dokazatelstva v teorii sudebnykh dokazatelstv // Tsifrovoye pravo. — 2024. — T. 5. — № 4. — S. 79–95.
12. Kiseleva K. E., Khatukhova A. R. Problema ispolzovaniya elektronnykh dokazatelstv: sravnitel'no-pravovaya kharakteristika zarubezhnogo i rossiyskogo podkhodov // Obshchestvo i pravo. — 2023. — № 4. — S. 67–72.
13. Kommentariy k Arbitrazhnomu protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynnyy) / pod red. V. V. Yarkova. — 4-e izd., ispr. i pererab. — M.: Statut, 2020. — 1071 s.
14. Malyk A. V. Formirovaniye i priroda elektronnykh dokazatelstv // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2023. — № 3. — S. 45–51.
15. Nakhova E. A. Problemy primeneniya elektronnykh dokazatelstv v tsivilisticheskom protsesse i administrativnom sudoproizvodstve // Zakon. — 2018. — № 4. — S. 81–90.
16. Nakhova E. A. Problemy elektronnykh dokazatelstv v tsivilisticheskom protsesse // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2015. — № 4. — S. 301–312.
17. Nefedev E. A. Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva. — M.: Tipografiya Moskovskogo imperatorskogo universiteta, 1908. — 403 s.
18. Polyakov M. P., Smolin A. Yu. Kontseptologicheskiy analiz fenomena elektronnykh dokazatelstv // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. — 2019. — № 2. — S. 135–145.
19. Reshetnikova I. V. Dokazyvaniye v grazhdanskom protsesse. — M.: Yurayt, 2012. — 388 s.
20. Treushnikov M. K. Sudebnye dokazatelstva. — 5-e izd., dop. — M.: Gorodets, 2016. — 304 s.
21. Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Pravo v usloviyakh tsifrovoy realnosti // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2018. — № 1. — S. 85–102.
22. Tsifrovyye tekhnologii i yurisdiktsionnaya deyatelnost: obraz budushchego po grazhdanskim delam / pod red. K. L. Branovitskogo, V. V. Yarkova. — M.: Statut, 2022. — 328 s.
23. Shkurova P. D. Pismennyye dokazatelstva v tsivilisticheskom protsesse: monografiya. — M.: Yurlitinform, 2020. — 159 s.
24. Shkurova P. D., Zubovich M. M., Tombulova E. G. Svedeniya, poluchennyye s pomoshchyu poligrafa, kak nedopustimyye dokazatelstva v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii // Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye. — 2020. — T. 17. — № 1. — S. 128–133.
25. Yudin A. V. K voprosu o dokazatelstvennom znachenii protokola sudebnogo zasedaniya v tsivilisticheskom protsesse // Administrator suda. — 2025. — № 2. — S. 16–21.